ЛИТЕРАТУРНАЯ ОСНОВА ФИЛЬМА «МИККИ 17»
ЭДВАРД ЭШТОН
МИККИ-7
УМНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ САТИРА, ЗАМАСКИРОВАННАЯ ПОД ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН.
NEW YORK JOURNAL OF BOOKS
АЗБУКА

Эдвард Эштон
Микки-7
Серия «The Big Book»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74681476
Микки-7:
ISBN 978-5-389-35448-7

Аннотация

Микки Барнс – расходник. Одноразовый инструмент отряда колонистов, прибывших на скованную стужей планету Нифльхейм. Если нужно выполнить работу, связанную со смертельным риском, ее поручают Микки. А когда он погибает, его личность и память достаются запасному клону.

На своей родной планете Мидгард Микки изнывал от скуки и безысходности. Чтобы сбежать от жизненных неурядиц, подписал контракт, заняв единственную остававшуюся вакансию в экспедиции. Но теперь, после своих шести смертей, он понимает, почему не нашлось других желающих стать расходником.

Когда седьмой Микки пропадает без вести и ему на смену приходит Микки-8, начинаются настоящие проблемы.

Роман был экранизирован в 2025 году режиссером Пон Чунхо («Паразиты», получившие четыре «Оскара», «Сквозь снег») и вышел на экраны под названием «Микки 17». В главной

роли Роберт Паттинсон («Сумерки», «Космополис», «Маяк», «Бэтмен»).

Содержание

1 6
2 28
3 41
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Эдвард Эштон
Микки-7

Посвящается Джен.

Если бы ты не уничтожила цивилизацию, ничего из этого не случилось бы

Edward Ashton
MICKEY 7 Copyright © 2022 by Edward Ashton
All rights reserved
© М. А. Валеева, перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

1

Так глупо я еще не умирал.

Сейчас ровно 26:00, я лежу на спине, растянувшись на жестком каменном дне, и меня окружает тьма настолько плотная, что поначалу кажется, будто я ослеп. Долгие пять секунд окуляры пытаются поймать случайные фотоны в ультрафиолетовом излучении, но сдаются и переключаются на инфракрасное. Рассматривать тут по-прежнему нечего, но теперь я хотя бы вижу над собой потолок пещеры, бледно мерцающий серым в невидимом спектре, и черный, обрамленный зубцами ледяной корки зев дыры, в которую я провалился.

Вопрос: что, черт возьми, произошло?

Воспоминания последних минут обрывочны: в основном разрозненные визуальные образы и звуки. Помню, как Берто сбросил меня на край ледниковой расселины. Помню, как спускался среди снежных торосов. Помню, как шел. Помню, как посмотрел наверх и увидел вмерзший в лед южной стены на высоте тридцати метров обломок скалы, похожий на обезьянью голову. Это вызвало у меня улыбку, а потом… потом я ощутил пустоту под левой ногой и полетел вниз.

Сукин сын – не смотрел, куда иду. Загляделся на дурацкий камень в форме обезьяньей башки, мысленно представляя, как буду описывать его Нэше, когда вернусь домой, и

свалился в расщелину.

Наиглупейшая смерть.

Тело сотрясает дрожь. Даже наверху, пока я двигался, мороз был адский. А теперь, когда я лежу на каменном основании горы, холод просачивается сквозь скафандр и два слоя термобелья, пробираясь от корней волосков сквозь кожу и мышцы до самых костей. Я снова вздрагиваю, и меня пронзает резкая боль, отдающая от левого запястья в плечо. Опускаю взгляд. Так и есть: на стыке между перчаткой и внешним термокостюмом рука неестественно раздулась. Я начинаю стаскивать перчатку, надеясь, что холод поможет уменьшить отек, но еще один приступ боли пресекает мой эксперимент в зародыше. Не успеваю я пошевелить пальцами, чтобы сжать руку в кулак, как боль усиливается стократно и ослепляет белой вспышкой.

Наверное, ударился при падении. Перелом? Возможно. Растяжение? Наверняка.

Однако боль означает, что я все еще жив, ведь так?

Я медленно сажусь, мотаю головой, чтобы разогнать туман, и моргаю, активируя экран коммуникатора. Вряд ли я поймаю передатчики колонии, слишком далеко, но Берто, наверное, все еще поблизости, потому что я улавливаю слабый намек на сигнал. Недостаточный, чтобы передать голосовое или видеосообщение, но текстовое, скорее всего, пройдет.

⟨*Микки-7*⟩: Берто, прием.

⟨*КрасныйЯстреб*⟩: Прием подтверждаю. Живой?

⟨*Микки-7*⟩: Пока да. Но застрял.

⟨*КрасныйЯстреб*⟩: Кроме шуток. Я видел, что произошло. Ты шагнул прямо в провал.

⟨*Микки-7*⟩: Это я уже понял.

⟨*КрасныйЯстреб*⟩: Микки, там была не просто ямка, а огромная дырища. Какого черта, приятель?

⟨*Микки-7*⟩: Я засмотрелся на скалу.

⟨*КрасныйЯстреб*⟩:…

⟨*Микки-7*⟩: Она была похожа на обезьяну.

⟨*КрасныйЯстреб*⟩: Дурацкая смерть.

⟨*Микки-7*⟩: Ну это если я умру. Кстати, ты вообще собираешься меня спасать?

⟨*КрасныйЯстреб*⟩: Э-э-э… нет?

⟨*Микки-7*⟩: Ты серьезно?

⟨*КрасныйЯстреб*⟩: Вполне.

⟨*Микки-7*⟩: И почему?

⟨*КрасныйЯстреб*⟩: Потому что я сейчас кружу на высоте не больше двухсот метров над тем местом, где ты провалился, и даже так твой сигнал едва пробивается наружу. Ты глубоко под землей, друг мой, и мы находимся на территории жутиков. Вытащить тебя возможно, но лишь с немалыми усилиями и огромным риском – неоправданным ради спасения расходника, усек?

⟨*Микки-7*⟩: Ясно. А ради спасения друга?

⟨*КрасныйЯстреб*⟩: Микки, брось. Удар ниже пояса. Ты же не умираешь… по-настоящему. Я вернусь под купол и сдам рапорт, что ты пропал без вести. При исполнении обязанностей. Маршалл в любом случае одобрит твою регенерацию. Завтра же выберешься из бака и будешь снова спать в своей постели.

⟨*Микки-7*⟩: Отличный план. Для тебя, конечно. А мне тем временем подыхать в этой дыре.

⟨*КрасныйЯстреб*⟩: Да, полный отстой.

⟨*Микки-7*⟩: Отстой? И это все, что ты можешь сказать?

⟨*КрасныйЯстреб*⟩: Прости, Микки, а чего ты хотел? Мне жаль, что тебе придется умереть, но, в конце концов, это и есть твоя работа, правда?

⟨*Микки-7*⟩: Я даже не обновлен до текущей версии. Не загружался больше месяца.

⟨*КрасныйЯстреб*⟩: А вот в этом… не я виноват. Но ты не волнуйся. Я помогу тебе восполнить пробелы в памяти. У тебя накопилась какая-нибудь личная информация с последнего обновления, которая может понадобиться в будущем?

⟨*Микки-7*⟩: Гм… Да вроде нет.

⟨*КрасныйЯстреб*⟩: Отлично. Тогда договорились.

⟨*Микки-7*⟩:…

⟨*КрасныйЯстреб*⟩: Эй, Микки? Порядок?

⟨*Микки-7*⟩: Угу, порядок. Спасибо тебе, Берто. Большое спасибо.

Я отвожу взгляд от экрана, прислоняюсь к каменной стене и прикрываю глаза. Не верится, что трусливый ублюдок и не собирался меня спасать.

Да кого я обманываю. Очень даже верится.

Так, и что дальше? Сидеть и ждать смерти? Я не знаю, сколько кувыркался в воздухе, пока не рухнул на дно этой… чем бы это ни было. Может, пролетел метров двадцать. Но, судя по уклончивым намекам Берто, могло быть и все сто. Пролом, куда я провалился напоследок, невысоко, в трех метрах надо мной. Но даже если я смогу до него дотянуться, с вывихнутой рукой мне не выбраться наружу.

При моем роде занятий много времени проводишь в размышлениях о разных способах умереть – конечно, когда не переживаешь один из них на практике. Замерзнуть насмерть мне еще не доводилось. Хотя, несомненно, я обдумывал такой вариант. Странно было бы упустить его из виду, учитывая, что мы высадились на этот забытый богом ледяной шар. По сравнению с другими способами это несложно. Постепенно коченеешь, тебя клонит в сон, потом засыпаешь и не просыпаешься – только и всего. Не самая плохая смерть. Я уже начинаю задремывать, когда слышу писк сигнала окуляров и моргаю, чтобы ответить.

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Привет, Мик!

⟨*Микки-7*⟩: Привет, Нэша! Чем могу тебе помочь?

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Оставайся на месте. Я уже в воздухе.

Буду через двадцать минут.

⟨*Микки-7*⟩: С тобой связался Берто?

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Да. Он считает, тебя не вытащить.

⟨*Микки-7*⟩: Но?

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Но ему просто не хватает мотивации.

Странная штука надежда. Тридцать секунд назад я был уверен на сто процентов, что умираю, и не испытывал страха. А теперь сердце колотится, в ушах шумит, и я мысленно пробегаю по списку того, что может пойти не так, если Нэше все же удастся установить лебедку и предпринять попытку спасти меня. Вдруг на дне расщелины не хватит места для опоры? А если хватит, сумеет ли Нэша найти провал? А если сумеет, хватит ли длины троса, чтобы поднять меня наверх?

И даже если все получится… ее действия могут спровоцировать нападение жутиков!

Вот дерьмо.

Нет-нет-нет!

Я не могу ей этого позволить.

⟨*Микки-7*⟩: Нэша?

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Да?

⟨*Микки-7*⟩: Берто прав. Меня не достать.

⟨*ЧерныйШершень*⟩:…

⟨*Микки-7*⟩: Нэша?

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Ты уверен, милый?

Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох и выдох. Мне все-

го лишь предстоит ненадолго наведаться в бак, верно?

⟨*Микки-7*⟩: Да, уверен. Я провалился глубоко под землю и здорово покалечился при падении. Честно говоря, даже если ты меня вытащишь, меня все равно спишут в расход.

⟨*ЧерныйШершень*⟩:…

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Ладно, Микки. Тебе решать.

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Но ты ведь знаешь, что я попыталась бы тебя вытащить?

⟨*Микки-7*⟩: Да, Нэша. Знаю.

Она умолкает, а я наблюдаю, как поднимается и опадает шкала приема. Нэша кружит над местом падения, проводит триангуляцию. Пытается засечь точные координаты моего сигнала.

Надо это прекратить.

⟨*Микки-7*⟩: Лети домой, Нэша. Я отключаюсь.

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Ох…

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Ладно…

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Как ты собираешься это сделать?

⟨*Микки-7*⟩: Что?

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Уйти, Микки. Я не хочу, чтобы ты мучился, как Пятый. Оружие у тебя есть?

⟨*Микки-7*⟩: Не-а. Выронил огнемет при падении. Но если честно, я все равно не стал бы приканчивать себя с его помощью. Наверное, это быстро, но…

⟨*Черный Шершень*⟩: Да, наверное, не стоит. А как насчет ножа? Или ледоруба?

⟨*Микки-7*⟩: Нет и еще раз нет. Да и как ты себе представляешь самоубийство ледорубом?

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Не знаю. Он же острый, да? Им можно тюкнуть себя по лбу, ну или как-то так.

⟨*Микки-7*⟩: Слушай, Нэша, я понимаю, ты пытаешься помочь, но…

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Можно разгерметизировать ребризер. Не знаю, что убьет тебя первым: низкое содержание кислорода или высокое – углекислого газа, но в любом случае через несколько минут все будет кончено.

⟨*Микки-7*⟩: Да, такого я еще не пробовал, но мне кажется, что медленное удушение – не моя фишка.

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Тогда что ты собираешься сделать?

⟨*Микки-7*⟩: Планирую замерзнуть насмерть.

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Да, должно сработать. Мирная кончина, правда?

⟨*Микки-7*⟩: Надеюсь.

Индикатор сигнала резко падает и дрожит возле нулевой отметки. Наверное, Нэша зависла на самом краю зоны приема.

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Слушай, а ты загружен?

⟨*Микки-7*⟩: Несколько недель не обновлялся.

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Почему не загружал данные?

Меньше всего мне сейчас хочется отвечать на этот вопрос.

⟨*Микки-7*⟩: Наверное, просто лень было.

⟨*ЧерныйШершень*⟩:…

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Милый, мне ужасно жаль. Честно.

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Хочешь, я останусь на связи?

⟨*Микки-7*⟩: Нет. Процесс может затянуться, а правила тебе известны: если убьешься на задании, обратно не приходи. Тебе нужно вернуться под купол.

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Ты уверен?

⟨*Микки-7*⟩: Да, уверен.

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Люблю тебя, Мик! Когда завтра увидимся, непременно расскажу, что сегодня ты погиб как профи.

⟨*Микки-7*⟩: Спасибо, Нэша! Я тоже тебя люблю.

⟨*ЧерныйШершень*⟩: Пока, Микки!

Я моргаю и закрываю окно коммуникатора, потом слежу, как уровень сигнала Нэши сползает до нуля. Берто уже давно вне зоны приема. Я смотрю наверх. Отверстие провала зияет надо мной, как дырка в жопе дьявола, и неважно, загружен я или нет, но внезапно мысль о смерти вызывает у меня протест. Я трясу головой и поднимаюсь на ноги.

Вот вам мысленный эксперимент: представьте, что, ложась спать, вы не просто засыпаете. А умираете. Вы умираете, а утром на вашем месте просыпается кто-то другой. Он обладает всеми вашими воспоминаниями. Всеми надеждами, мечтами, страхами и желаниями. Он думает, что он – это вы, и так же считают все его друзья и родные. Однако он – не вы, а вы – не тот парень, что отправился спать вчера ве-

чером. Вы существуете с того момента, как проснулись сегодня утром, и ваше существование прекратится, когда вечером вы снова закроете глаза. Спросите себя: что изменится от этого в вашей жизни? Сможете ли вы вообще почувствовать разницу?

А теперь вместо «уснул» подставьте «разбился, испарился, сгорел», и вы получите полное представление о моей жизни. Проблемы с ядерным реактором? Я тут как тут. Нужно протестировать новую неопробованную вакцину? Дайте две. Сварганили в самогонном аппарате абсент и боитесь отравиться? Я хлопну стакан за ваше здоровье, ублюдки. А если сдохну, вы всегда сможете сделать нового меня.

Светлая сторона бесконечного цикла умираний заключается в пусть дерьмовом, но бессмертии. Я не просто помню, что́ делал Микки-1. Я помню, как был им. Помню всё, кроме, может, последних минут его жизни. Он – я – умер из-за пробоины в корпусе корабля во время перелета. Микки-2 проснулся спустя несколько часов в полной уверенности, что ему тридцать один год и родился он не здесь, а на Мидгарде. И как знать – может, он был прав. Может, его глазами на мир смотрел тот самый первоначальный Микки Барнс. Как тут проверишь? И возможно, если сейчас я лягу на каменное дно расщелины, закрою глаза и разгерметизирую скафандр, то завтра утром проснусь уже Микки-8.

Но почему-то я в этом сомневаюсь.

Допустим, Нэша и Берто даже не заметят разницы, но на

глубоко бессознательном уровне сам я буду точно знать, что умирал. И умер.

Здесь, внизу, я не могу засечь ни одного фотона в видимом спектре, но окуляры улавливают достаточно коротких инфракрасных волн – хватает, чтобы осмотреться. Оказывается, из центральной пещеры расходится с полдюжины туннелей. И все они ведут наклонно вниз.

Так быть не должно.

Это противоречит всем данным.

Туннели напоминают старые русла, по которым текли потоки раскаленной лавы, но, согласно наблюдениям с орбиты, в радиусе тысячи километров от этого места никакой вулканической активности нет и быть не может. Ее отсутствие было одним из доводов в числе прочих в пользу выбора места для первой базы – даже несмотря на сильную удаленность от экватора, где дерьмовый климат этой дурацкой планеты все-таки чуть получше, чем здесь. Я медленно обхожу пещеру. Все туннели выглядят одинаково: круглого сечения, около трех метров в диаметре. Из глубины исходит слабое свечение, и рациональная часть рассудка подсказывает, что тут явно имеет место перепад температур: в туннелях теплее, – в то время как первобытная часть мозга вопит, что они ведут прямиком в ад. Между входами в любые два соседних туннеля я насчитываю ровно по шесть шагов.

И это тоже неправильно.

Но тратить время на беспокойство бессмысленно. Я выбираю туннель и шагаю внутрь.

Однако после получаса пути меня начинают одолевать сомнения: возможно, все-таки стоило предупредить Нэшу, что я вовсе не собираюсь сидеть и ждать смерти. Тогда она смогла бы уговорить Берто придержать рапорт о моей пропаже без вести до того момента, когда я действительно погибну – если вообще погибну. Морально-этические нормы Альянса весьма растяжимы, но на заре биопечати новых тел и загрузки личностей произошло несколько неприятных инцидентов, поэтому сейчас в большинстве колоний лучше оказаться серийным убийцей или похитителем детей, чем стать мультиклоном.

Я открываю окно коммуникатора, но, конечно, сигнал здесь вообще не проходит. Между мной и поверхностью лежит толща скальной породы. Наверное, это и к лучшему. Я уверен, Нэша не стала спасать меня лишь потому, что я наплел ей о множественных переломах при падении. Если бы она знала, что я могу передвигаться самостоятельно и повреждения ограничиваются шишкой на голове да растянутым запястьем, она бы немедленно развернулась и предприняла попытку вытащить меня, хочу я того или нет.

Я не могу этого допустить. Нэша – лучшее, что случилось в моей жизни за последние девять лет, и если она погибнет из-за меня, я не смогу ужиться сам с собой: совесть замучит.

Не смогу – а придется. Ведь я в самом прямом смысле сло-

ва не способен умереть. Во всяком случае, так, чтобы оставаться мертвым.

Так или иначе, теперь Нэша вряд ли сможет меня найти, даже если захочет. Здесь, внизу, что-то вроде муравьиной фермы с ответвляющимися туннелями через каждые десять метров. Я старался выбирать те, которые вроде бы ведут наверх, а не вниз, но, похоже, не слишком преуспел и теперь понятия не имею, в каком направлении вообще двигаюсь.

Есть лишь один положительный момент: я наконец перестал дрожать от холода. Сначала мне показалось, что это эффект прогрессирующей гипотермии, но инфракрасное свечение стен равномерно усиливается, и теперь я почти уверен: чем глубже я спускаюсь, тем теплее становится вокруг. Я даже слегка вспотел.

Пока ничего страшного, но если отыщется выход на поверхность, придется разгоряченным выйти на мороз. Когда я проломил ледяную корку, которой было затянуто устье дыры, и провалился вниз, снаружи было минус десять. Ночами же температура здесь падает до тридцати градусов ниже нуля и ветер дует не переставая. Даже если я найду путь наверх, имеет смысл оставаться внизу до восхода солнца.

Я грежу наяву, задумавшись о Нэше, как вдруг слышу дробный стук. Будто горсть камешков раскатилась, подпрыгивая, по гранитному полу, только этот звук начинается и прерывается произвольно; затихает, а потом раздается сно-

ва. Я бросаюсь вперед без оглядки. Мне уже ясно, что туннели отнюдь не естественного происхождения. Не знаю, какое норное животное способно пробурить трехметровые ходы в монолитной скальной породе, но, кем бы оно ни оказалось, встречи с ним я точно не хочу.

Чем дальше я продвигаюсь вперед, тем чаще и ближе раздается шум. Я все ускоряю и ускоряю шаги, пока не перехожу почти на бег. Минуя боковое ответвление туннеля, я вдруг понимаю, что уже не могу распознать, откуда доносится звук, сзади или спереди. Я резко останавливаюсь и оборачиваюсь.

И оно прямо позади меня – так близко, что можно дотронуться.

На вид оно похоже на жутика, что и неудивительно. Сегментированное тело; на каждый сегмент приходится по паре ног, оканчивающихся твердыми острыми когтями. Жвала, однако, совсем другие. У жутиков всего одна пара жвал на переднем сегменте. У этого зверя их две: одна, подлиннее, расположена параллельно земле; вторая, покороче, – перпендикулярно первой. Как и у жутиков, за жвалами у этой твари прячутся конечности для захвата пищи и круглая, утыканная зубами пасть.

Есть и еще несколько важных отличий. Жутики полностью белые – вероятно, стали такими в ходе эволюции, чтобы сливаться окраской со снегом. А эта тварь, полагаю, при обычном освещении окажется черного или коричневого цве-

та, хотя в инфракрасном свете трудно сказать наверняка.

Ну и, конечно же, жутики достигают примерно метра в длину и весят пару десятков килограммов, в то время как мой новый друг в ширину больше моего роста, а его истинные размеры я могу только предполагать, потому что его тело простирается в глубь туннеля, насколько хватает глаз.

Напасть или спасаться бегством? Ни одна из инстинктивных реакций в этой ситуации не поможет. Я поднимаю руки вверх, показываю открытые ладони и медленно отступаю назад. Это вызывает ответную реакцию. Тварь встает на дыбы и широко раздвигает обе пары челюстей. Хватательные щупальца тянутся ко мне. Язык тела. Наверное, для подобного создания мои поднятые руки и растопыренные пальцы выглядят угрожающе. Я роняю руки вдоль тела и делаю еще один шаг назад. Оно подползает ближе; передняя часть туловища раскачивается взад-вперед, как голова кобры. В мозгу мелькает мысль, что надо было послушаться Нэшу, разгерметизировать скафандр и позволить местной атмосфере сделать свое дело, потому что быть сожранным гигантской многоножкой – не тот способ смерти, который я сам для себя избрал бы. И в этот момент тварь совершает бросок.

Челюсти защелкиваются на мне быстрее, чем я успеваю дернуться: одна пара хватает меня между ног и поверх правого плеча, вторая – вокруг пояса. Жутик отрывает меня от земли и придерживает хватательными конечностями. На расстоянии чуть меньше метра от меня ритмично раскрыва-

ется и сжимается его пасть. Она утыкана холодными черными зубами, ряд за рядом исчезающими в глубине жаркой, как топка, глотки.

Однако он не тащит меня в рот. Просто поднимает и продолжает двигаться вперед.

Его хваталки сгибаются в суставах совсем как руки и оканчиваются пучками щупалец, похожих на пальцы с длинными, двухсантиметровыми когтями. Поначалу я пытаюсь вырываться, но он держит мои руки в стальном захвате, крепко прижимая их к жвалам. Ноги у меня свободны, и теоретически я мог бы его пнуть, но мне ни до чего не дотянуться. Полагаю, он тащит меня к себе в гнездо. Может, скормит детенышам. Или угостит невиданным лакомством жену. Если бы я мог сейчас расстегнуть скафандр – сделал бы это, не раздумывая. Но увы, этот вариант теперь недоступен, поэтому я продолжаю болтаться в воздухе, представляя, как меня будут перемалывать челюсти жуткой твари.

Путешествие длится долго, и в какой-то момент я даже ловлю себя на том, что задремал. Будит меня клацанье зубов моего гигантского приятеля, и остаток поездки я провожу в созерцании того, как его клыки трутся друг о друга в круглой пасти, раскрывающейся и сжимающейся наподобие морского анемона. Странно завораживающее зрелище. Зубы у него то ли постоянно растут, то ли регулярно выпадают и заменяются новыми, потому что сейчас они явно мешают друг другу.

Понаблюдав за ними некоторое время, я замечаю: трутся они под таким углом, что затачиваются друг о друга.

Наконец мы останавливаемся посреди пещеры наподобие той, в которую я провалился. Жутик пересекает открытое пространство и сует голову в маленький боковой туннель. Я выворачиваю шею, пытаясь оглянуться. Похоже, метров через двадцать проход оканчивается тупиком. Семейная кладовая для припасов? Он ставит меня ногами на землю, разжимает челюсти. А затем легонько подталкивает вперед хваталками и убирает голову из туннеля.

Я не совсем понимаю, что происходит, но мне хочется оказаться как можно дальше от этой твари. Я шагаю по туннелю вперед. Стена в конце него какая-то странная. Через несколько секунд до меня доходит, что мои окуляры впервые за много часов переключились в режим работы в видимом спектре.

Я подхожу к стене в конце туннеля, и оказывается, что она не из камня. Это слежавшийся снег. Я упираюсь в нее пятерней и толкаю. Кусок снега с полметра шириной вываливается наружу. В отверстие льется дневной свет.

В этот момент я внезапно вспоминаю, как однажды, когда мне было девять, я гостил у бабушки в деревне, дома, на Мидгарде. Было солнечное весеннее утро, и у себя в спальне я поймал паука. Я запер его в сложенных лодочками ладошках, сбежал по лестнице и выскочил во двор, чувствуя, как пленник скребется внутри своими цепкими лапками. Потом

я присел на корточки в саду перед домом, опустил руки к земле и разжал их. Когда паук бросился наутек, я почувствовал себя всеблагим и милостивым богом.

Сквозь отверстие в стене виден запорошенный снегом купол нашей центральной базы, всего в паре километров отсюда. Я паук. Паук, которого тварь из туннеля только что выпустила в сад.

Едва выбравшись наружу, я пытаюсь связаться с Берто, потом с Нэшей. Ни один не отвечает. Что и неудивительно. Еще рано, и оба, наверное, только вернулись с ночного дежурства. Интересно, Берто сразу доложил о моей гибели или решил дождаться утра? И сколько времени обычно проходит между рапортом о смерти и восстановлением? Сам я никогда при этом не присутствовал, поэтому не представляю сроков, но, как мне кажется, они невелики. Я подумываю оставить Берто голосовое сообщение, но в последний момент что-то меня останавливает. Если вчера, вернувшись, он отправился прямиком в койку, я смогу отчитаться ему лично. А если нет… вот честно, даже не знаю, как будут развиваться события в таком случае, но меня одолевает смутное предчувствие, что пока лучше придержать информацию о своем текущем статусе при себе.

Путь до периметра базы занимает целый час, потому что приходится брести по колено в рыхлом снегу. Несмотря на это, утро для разнообразия выдалось прекрасное. Темпе-

ратура чуть выше ноля, впервые почти за неделю. Ветер стих, безоблачное небо окрасилось нежно-розовым цветом, а солнце жирным красным шаром зависло над южным горизонтом. Охранный периметр установлен примерно в ста метрах от купола – сенсорные башни, вышки с автоматическими огнеметами, капканы, ловушки, весь фарш. Никогда не понимал, в чем смысл, ведь единственные крупные животные на планете – жутики, а они умеют передвигаться под снегом, где их не способны засечь никакие наши датчики. Полагаю, это просто стандартная процедура.

На КПП перед главным шлюзом сегодня дежурит Гейб Торичелли. Туповатый здоровяк-охранник, но для громилы неплохой парень. На нем полный комплект усиленного боевого снаряжения, только без шлема. Он похож на перекачанного бодибилдера с крошечной головой.

– Микки! – восклицает он. – Такая рань, а ты уже на ногах.

Я пожимаю плечами:

– Да вот, совершаю утренний моцион. А что с экипировкой? Мы объявили кому-то войну, пока я ползал в расщелинах?

Гейб ухмыляется:

– Пока нет. Часовые могут выбирать снарягу по своему усмотрению. Мне просто нравится, как я в ней выгляжу. – Он машет рукой в ту сторону, откуда я пришел: – Маршалл так и гоняет тебя на разведку к подножиям гор?

– Ага. Нет смысла рисковать ценным оборудованием на

черной работе, когда под рукой есть я.

– Ты прав. Видел там что-нибудь интересное?

О да, Гейб. Видел жутика размером с грузовой шаттл. Он принес меня обратно к куполу и отпустил. И я убежден, что он разумное существо. Круто, правда?

– Не-а. Ничего, кроме камней и снега, – отвечаю я.

– Ну как обычно. Командор только зря тратит наше время на эту херню, или я не прав?

Хм. Гейбу скучно, и он не прочь потрепаться. Пора это пресечь.

– Слушай, – говорю я, – я бы и рад с тобой поболтать, но нужно идти, у меня там… дело с утра пораньше.

Ухмылка сползает с лица охранника.

– Да, конечно, – говорит он. – Пропуск я у тебя, понятно, спрашивать не буду.

– Да, – киваю я. – Это ни к чему.

Он достает планшет, что-то вбивает в него и, махнув рукой, впускает меня внутрь купола. Вот и славно. Это означает, что никто пока не зарегистрировал на КПП Микки-8. Лень Берто уберегла меня от очередных неприятностей. С другой стороны, из-за его лени я и оказался в такой ситуации. Конечно, мое спасение требовало усилий, а все-таки он мог бы поднапрячься, подтянуть оборудование и вытащить меня еще вчера вечером.

Нэше я бы не позволил поставить на кон жизнь ради моего спасения, но Берто? Изъяви он такое желание, я бы голо-

совал обеими руками.

Конечно, весь смысл расходников в том и заключается, что за ними не нужно возвращаться. Но вне зависимости от того, чем все закончится, мне стоит пересмотреть свои критерии выбора лучших друзей.

Первым делом – к себе в отсек. Мне нужно переодеться, помыться и наложить компрессионную повязку на кисть. Прошло уже много времени, рука вряд ли сломана, но запястье посинело и раздулось; вероятнее всего, еще несколько недель оно будет причинять неудобство. А дальше нужно найти Берто и проследить, чтобы он не совершил очередной глупости. Нэше тоже стоит маякнуть – предупредить, что я все же выбрался.

И, наверное, поблагодарить за проявленное желание спасти меня.

Я прохожу по главному коридору две трети помещения базы, потом взбираюсь по голой металлической спиральной лестнице на четвертый этаж в трущобы. Здесь, под самой крышей, расположены отсеки низкорангового персонала: десятки клетушек два на три метра с тонкими пенопластовыми дверями, отделенные друг от друга штампованными пластиковыми перегородками. Моя берлога находится почти в центре купола. У меня двойной номер, и над головой достаточно места, чтобы вытянуть руки вверх, не упираясь в потолок, – вероятно, одна из привилегий моего статуса расходника. Говорят, ацтеки тоже пылинки сдували со своих от-

борных красавчиков – до того момента, пока не приходило время втащить их на жертвенный алтарь и вырезать у них из груди сердце.

Я начинаю подозревать неладное, когда пытаюсь открыть замок. Дверь не заперта. Я толчком распахиваю ее, сердце выбивает в груди барабанную дробь. Кто-то лежит на моей кровати, натянув одеяло до подбородка. Волосы у спящего прилипли ко лбу, лицо измазано чем-то вроде засохших соплей. Я делаю два шага вперед и захлопываю дверь. От лязга защелки человек резко просыпается.

– Привет, – говорю я.

Он садится в постели и трет ладонью лицо.

– Что за… – Взглянув на меня, он широко распахивает глаза и договаривает: —…дерьмо. Я Микки-восемь, да?

2

К этому моменту моего рассказа вы, наверное, гадаете, что же я такого натворил, раз меня записали в расходники. Наверняка что-то ужасное. Скорее всего, убил щенка. Или столкнул старушку с лестницы.

Нет и еще раз нет. Можете мне не верить, но я вызвался добровольно.

Когда тебя обхаживают, вербуя в расходники, никто не называет тебя расходником. Тебе продают идею бессмертия. Согласитесь, звучит намного лучше.

Не хочу показаться идиотом. Я более-менее представлял, во что ввязываюсь, когда ставил отпечаток большого пальца на контракте. Сидя в офисе рекрутера на Мидгарде, я полностью выслушал все условия игры. Вербовщицу звали Гвен Йохансен: высокая, плотного сложения блондинка с невыразительным лицом и таким скрежещущим голосом, будто она завтракает гравием. Йохансен сидела за столом, уставившись в планшет, и читала с экрана список действий, которые могут от меня потребоваться и тем самым привести к смерти моего настоящего тела.

Внешняя починка корпуса корабля при межзвездных перелетах была в списке – наряду с контактами с любой местной флорой и фауной, с медицинскими экспериментами, военными действиями против противника, с которым мы мо-

жем столкнуться, и так далее и тому подобное до бесконечности, так что в какой-то момент я просто отключился и перестал слушать. Голая правда заключалась в том, что не имело значения, как со мной поступят. Если я хотел получить место в экспедиции, выбора у меня не было. Я не пилот. Не медик. Не генетик, ботаник или ксенобиолог. Меня не взяли бы даже на роль без слов. Я не обладал никакими практическими навыками – но мне очень-очень нужно было убраться с Мидгарда к чертовой матери, и как можно скорее. Это был первый корабль с колонистами, снаряженный со времен первого нашего приземления двести лет тому назад, и у меня оставался единственный шанс обеспечить себе место в команде: завербоваться в расходники.

Я знал, что, сдав образцы биоматериала и позволив выгрузить свои данные, сразу окажусь первым в очереди на самую опасную работу, которая под силу лишь самоубийцам. Чего я так до конца и не осознал – даже прослушав бесконечную литанию в исполнении Гвен, – что опасной самоубийственной работы в месте высадки колонистов на плацдарм будет бескрайнее море, а выдергивать меня для ее выполнения будут крайне часто. Казалось бы, бóльшую часть тупых заданий можно выполнить дистанционно, с помощью радиоуправляемых механизмов: скажем – что уж далеко ходить за примерами, приведу ближайший, – исследовать предположительно нестабильные расщелины в горах, населенные предположительно плотоядной местной фауной. На Мидгарде обыч-

но так и поступают, вот почему я думал, что мое назначение окажется относительной синекурой.

Однако выяснилось, что существует целый ряд агрессивных воздействий, в основном касающихся облучения повышенными дозами радиации, но ими не ограничивающихся, которые человеческое тело способно выдерживать намного дольше, чем любой механизм, не говоря уже о различных медицинских экспериментах, которые и вовсе невозможно провести на роботах. Более того, на чужой планете, в ограниченных условиях колонии, расходника гораздо проще восстановить, чем любую технику. Здесь нет и еще долгое время не будет ни масштабной добычи полезных ископаемых, ни тяжелой промышленности. А пока их нет, любой потерянный кусок металла потерян навсегда. В то время как биоматериал для воссоздания нового меня вполне обеспечит развитое сельское хозяйство.

Не то чтобы мы в нем преуспели. Вырастить на Нифльхейме растения в открытом грунте за пределами купола – серьезная долгосрочная задача; некоторые элементы в составе микробиоты местной почвы затрудняют выращивание растений даже в теплицах, но теоретически эту сложность можно преодолеть в обозримые сроки.

Когда Гвен закончила перечислять то ужасное, что может со мной произойти, – а с тех пор многое из списка и впрямь со мной произошло, – она откинулась на спинку стула, сложила руки на груди и молча уставилась мне в глаза, отчего я

почувствовал себя неуютно.

– Итак, – наконец произнесла она. – Вы ознакомлены с условиями. Они вас удовлетворяют? Уверены, что вам понравится такая работа?

Я улыбнулся как можно более уверенно и сказал:

– Да, думаю, она мне подходит.

Она продолжила пристально разглядывать меня, пока у меня пот на лбу не выступил. Я ведь упомянул, что мне очень-очень нужна эта работа? Я уже собирался открыть рот и начать рассказывать, как я люблю рисковать, просто хлебом не корми, и вообще могу выжить в любых, самых трудных обстоятельствах, как вдруг она наклонилась вперед и спросила:

– Вы и вправду полный дебил?

Я даже отпрянул.

– Нет, – пробормотал я. – Во всяком случае, я так не считаю.

– Вы ведь слышали все, что я рассказала? Полный список?

Я кивнул.

– То есть, когда я говорила «лучевая болезнь», вы поняли, что это означает. И поняли, что я имела в виду, когда говорила, что вас могут обязать выполнять работу, из-за которой вы подвергнетесь смертельной дозе ионизирующего излучения. И что это приведет к развитию таких симптомов, как лихорадка и жар, ваша кожа покроется сыпью и мокнущими волдырями, внутренние органы начнут разжижаться и будут

на протяжении нескольких дней вытекать через анальное отверстие, и в результате, как мне объяснили, все это приведет к чрезвычайно мучительной смерти. Вы ничего не упустили?

– Нет, – сказал я. – Но ведь в действительности ничего подобного не случится?

– Напротив, – возразила она. – С большой вероятностью именно это и случится.

Я помотал головой:

– Понятно, что я могу подвергнуться облучению и чему угодно, но зачем выносить бесконечную агонию и терпеливо ждать мучительного конца? Я ведь могу просто покончить с собой, разве нет? Принять пилюлю, закрыть глаза и проснуться новой версией себя. Насколько я понимаю, для этого и придумали резервное копирование, так?

– Да, – согласилась Гвен. – Это первое, что приходит на ум. Но факты, к сожалению, подтверждают, что большинство расходников на это не идут.

Я ждал, что Гвен продолжит. А когда понял, что она не собирается ничего пояснять, спросил:

– Не идут на что?

Она вздохнула:

– На самоубийство. Насколько мне известно, это происходит крайне редко, несмотря на огромную практическую целесообразность. Очевидно, три часа учебных лекций не способны подавить вырабатывавшийся миллионами лет инстинкт самосохранения. Кто бы мог подумать. К тому же во

многих случаях от расходника могут потребовать держаться до конца, хочет он сам того или нет. Взять, к примеру, медицинское исследование. Его невозможно прервать на середине преждевременной эвтаназией. То же касается исследования местных микроорганизмов. Командование должно точно знать, как они воздействуют на организм человека, и не позволит подопытному самоустраниться, пока не будут получены все данные. Это понятно?

Я кивнул. Честно говоря, я не ждал столь развернутого ответа. Гвен закинула голову и уставилась в потолок, а когда снова перевела на меня взгляд, мне показалось, будто она разочарована тем, что я все еще здесь.

– Итак, мистер Барнс, объясните мне, пожалуйста, что конкретно привлекает вас в данном предложении. – Она облокотилась о стол и подперла голову руками.

– Ну, – сказал я, – даже если я погибну разок-другой, по сути, я ведь стану бессмертным, так? Вы сами говорили.

Она снова вздохнула, еще громче:

– Да, так. Но вы и вправду идиот. Обычно мы против дискриминации, но в данном случае проблема в том, что расходник, который примет участие в миссии, имеет для экспедиции огромное значение. Даже такой очевидно простой ум, как ваш, требует немыслимого объема для хранения данных. На создание его резервной копии понадобится отвести солидное количество ресурсов. Если вы согласитесь занять эту позицию, то во всей колонии вы единственный будете

той личностью и тем биологическим телом, которые подлежат восстановлению. А это означает следующее: если что-то пойдет не так, вы можете остаться единственным живым человеком на всем «Драккаре», и на ваши плечи ляжет полная ответственность за тысячи пребывающих в стазисе человеческих эмбрионов, не говоря уже о прочих материальных ценностях. Вы уверены, что хотите взвалить на себя такую ношу?

Я нервно улыбнулся Гвен. Она смерила меня еще одним долгим взглядом, потом откинулась на стуле, так что передние ножки оторвались от пола, заложила руки за голову и снова уставилась в потолок.

– Знаете, сколько претендентов подало заявку на эту должность?

– Э-э… нет, – промямлил я.

– Попробуйте угадать. Всего мы получили более десяти тысяч заявлений от желающих занять место в экспедиции. Только от пилотов, управляющих летательными аппаратами в атмосфере, поступило шестьсот запросов. Знаете, сколько в экспедиции мест для атмосферных пилотов?

Сейчас мне известен ответ, потому что Берто невзначай упомянул о конкурсе не меньше тысячи раз, стоило только нам спуститься с орбиты, но на тот момент я понятия не имел.

– Два, – сказала она. – У нас шестьсот заявлений от пилотов на два жалких места, и речь идет отнюдь не о любителях

полетать по выходным. Каждый из этих шестисот обладает более чем необходимой квалификацией. Сам Мико Берриган изъявил желание возглавить физический отдел. Можете себе такое представить?

Я отрицательно покачал головой. Впрочем, я даже не представлял, кто вообще такой Мико Берриган, за исключением того факта, что, по-видимому, он гениальный физик.

В этом я впоследствии убедился.

Убедился я также и в том, что Мико Берриган – полный мудак, но к рассказу это отношения не имеет.

– Суть в том, – продолжила Гвен, – что мы можем отбирать для экспедиции не просто подходящих кандидатов, а лучших из лучших. Наверняка для вас не секрет, что избрание для высадки и основания колонии на другой планете – великая честь, многим ни разу в жизни не представится возможность исполнить такую миссию. Если бы по странной прихоти нам захотелось сформировать команду «Драккара» из людей, у которых один глаз голубой, а другой зеленый, мы смогли бы укомплектовать состав экспедиции специалистами, которые все до одного отвечали бы требованию и при этом обладали должной квалификацией.

Она качнулась на стуле вперед, с грохотом уронив его ножки на пол, и наклонилась ко мне через стол. Я с трудом сдержался, чтобы не вздрогнуть.

– Что возвращает нас к вопросу о расходнике. Знаете, сколько у нас соискателей на это место?

Я покачал головой.

– Один, – сказала она. – Вы единственный, кто сам подал заявление на эту должность. Мы всерьез подумывали просить Ассамблею назначить кого-нибудь в приказном порядке, пока вы не появились у меня на пороге. По результатам стандартизированного теста я могу сделать вывод, что вы не совсем глупый человек. Здесь вот написано… историк?

Я кивнул.

– Это что, профессия?

– Вообще-то, да. Во всяком случае, была… когда-то. Изучение истории может…

– Но разве любые известные исторические сведения не доступны каждому в любой момент времени?

Я снова кивнул.

– Тогда объясните, почему вы считаете себя более компетентным историком, чем, к примеру, я?

– Потому что я в действительности озаботился тем, чтобы ознакомиться с доступными историческими сведениями.

Она закатила глаза:

– И кто-то вам за это платит?

Я замешкался с ответом.

– Полагаю, фактически это скорее хобби, чем работа. – Йохансен неотрывно сверлила меня взглядом в течение пяти секунд, потом помотала головой и вздохнула. – Так или иначе, позиция, на которую вы сейчас претендуете, никакое не хобби. Это определенно работа, причем такая, с которой вы

никогда не сможете уволиться. Вот скажите, мистер Барнс, тот факт, что ни один человек на целой планете не хочет такую работу, вам совсем ни о чем не говорит?

Она смотрела на меня, будто ждала ответа, но я, если честно, не представлял, как тут ответить. Наконец Гвен снова возвела глаза к потолку и подтолкнула ко мне по столу считыватель биоданных. Я прижал подушечку большого пальца к панели и почувствовал крошечный укол, когда прибор извлек образчик ДНК. Йохансен придвинула машинку обратно и взглянула на дисплей.

– Могу я задать вопрос? – произнес я.

Она взглянула на меня с нечитаемым выражением лица:

– Конечно. Почему нет?

– Если никто не подал заявление на эту позицию, если вы думали принудить кого-то занять ее… почему тогда вы так упорно меня отговаривали?

Она снова опустила взгляд на планшет:

– Превосходный вопрос, мистер Барнс. Наверное, потому, что вы показались мне приличным молодым человеком, а я предпочла бы, чтобы эта работа досталась какому-нибудь мудаку. – Она встала, положила планшет на стол и протянула мне руку: – Впрочем, теперь неважно. Должность достается вам. Добро пожаловать на борт!

Гвен тоже могла бы задать мне один вопрос, но не задала: чем так ужасен Мидгард, что я готов пережить разруше-

ние внутренних органов, лишь бы сбежать оттуда? Мидгард – неплохое место, если говорить о планетах, колонизированных три поколения назад. Он расположен в самом центре пояса Златовласки[1] в системе красного гиганта, который только что закончил поглощать свою внутреннюю систему. Из-за этого, вероятнее всего, колонистам с первого корабля пришлось заниматься терраформированием; работа – не позавидуешь. Зато у Мидгарда есть явное преимущество перед нашим сегодняшним домом: он никогда не был населен, поэтому там не пришлось иметь дело с высокоорганизованными местными существами. Уверен, что и с их расходником случались неприятные происшествия, но, по крайней мере, его не пожирали то и дело дикие звери.

Наклон оси Мидгарда несущественен настолько, что там нет заметной смены времен года. На экваторе тепло, у полюсов холодно, два широких мелководных океана со слабосоленой водой полностью разделены одним опоясывающим всю планету континентом. О перенаселении тоже речи не идет. В одном мегаполисе Земли, прародины человечества, жило больше людей, чем на всем Мидгарде. Пляжи там красивые. Города чистые. Правительство выборное и занимается в основном вопросами экономики. Даже огромное красное солнце, заполняющее полнеба, совершенно меня не раздражало, хотя должен признать, что здешнее светило, малень-

[1] *Пояс Златовласки* – условная зона жизни в системе звезды; находящаяся в этой зоне планета способна сохранять на поверхности воду в жидкой форме.

кое и желтое, воспринимается более естественно.

Тогда в чем моя проблема? У вас, вероятнее всего, уже появилось несколько догадок, так что позвольте пробежаться по списку. Несчастная любовь? Нет. У меня бывали девушки – и хорошие, и плохие, – но ни одна из них не оказалась настолько ужасной, чтобы заставить меня бежать с планеты, а в тот год перед первой загрузкой у меня вообще никого не было. Проблемы с деньгами? Едва ли вы всерьез рассматривали такую причину. Почти ни у кого на Мидгарде нет проблем с деньгами. Практически вся промышленность и сельское хозяйство автоматизированы, и правительство распределяет излишки доходов поровну между гражданами, как и на других планетах Альянса, за редким исключением. По всем измеримым параметрам Мидгард – настоящий рай.

Однако я не мог оставаться на Мидгарде. И, как ни парадоксально, по той же самой причине, по которой хотел с него бежать. Я не ученый. Не инженер. У меня нет способностей к искусству, я не обладаю ни даром красноречия, ни умением развлекать. Я был и остаюсь человеком, который в прежние времена равнялся бы по рангу лаборанту или младшему сотруднику в научном учреждении. Я читал бы редкие книги, выуженные из забытых богом архивов, и писал статьи на малоинтересные темы, которые никто никогда не прочтет. А еще раньше – работал бы на заводе или в шахте, а то и служил в армии. На Мидгарде, к сожалению, нет места младшим научным сотрудникам. Как любезно напомни-

ла мне Гвен, история доступна каждому. Достаточно моргнуть или прикоснуться пальцем к экрану, как окуляры или планшет мгновенно обеспечат доступ к любому знанию – не то чтобы кто-то на практике использовал эту возможность.

Никаких рабочих мест для людей ни на заводах, ни в шахтах, ни даже в армии на Мидгарде просто нет. Мое стандартное пособие позволяло мне иметь крышу над головой и еду на столе, но, как ни старался, я не мог отыскать в своем существовании ни малейшего смысла. И если бы в одно прекрасное утро я шагнул вниз с балкона, в мире абсолютно ничего не изменилось бы.

Поэтому, как любой нормальный молодой человек, одолеваемый скукой в любой из исторических периодов, бóльшую часть времени я посвящал тому, чтобы найти себе на жопу приключений.

3

– Что ж, – говорю я. – Похоже, у нас проблемы.

Я сижу за письменным столом, повернувшись к кровати. Восьмой сгорбился и сел, уронив лицо в ладони. Я понимаю его ощущения. Когда просыпаешься после резервуара, кажется, будто одновременно страдаешь от жутчайшего похмелья, средней степени проказы и в довершение – от кессонной болезни.

– Неужели? Да мы в полной заднице, Седьмой. Хуже, чем в заднице. Как ты мог это допустить?

Я вздыхаю, откидываюсь на спинку стула и растираю лицо руками.

– Ты о чем? О том, что Берто заранее записал меня в покойники, испугавшись, что его сожрут, и не стал меня спасать? Или о том, что я причинил всем кучу неудобств, оставшись в живых?

– Не знаю. И то и другое. Не дашь мне полотенце?

Я сдергиваю полотенце для рук с дверцы шкафа и бросаю Восьмому. Он кое-как очищает лицо и шею от большей части засохшей дряни, трет волосы.

– Бесполезно, – замечаю я.

Он злобно взглядывает на меня и продолжает тереть.

– Без тебя знаю, козел. Я помню, как ты в последний раз проснулся после бака, представляешь? А еще помню, как

просыпались Шестой, Пятый и Третий… пожалуй, всё. Но, так или иначе, у меня те же воспоминания, что и у тебя.

– Не совсем, – возражаю я. – Я не загружался почти месяц.

– Чудно. За это отдельное спасибо.

Я вздыхаю:

– Не волнуйся, ничего хорошего ты не пропустил.

Он швыряет в меня грязным полотенцем, вылезает из постели и идет к шкафу.

– Со стиркой ты тоже не заморачивался, да?

– Похоже. Месяц выдался тяжелый.

Восьмой достает с верхней полки заношенный свитер и ветрозащитные штаны.

– Чистого белья что, вообще нет?

– Посмотри под кроватью.

Он одаривает меня взглядом, полным ненависти и отвращения.

– Да что с тобой стряслось? Не припомню, чтобы кто-то из нас был свиньей.

– Я же сказал. Последние недели дались мне непросто.

Он встает на колено, выуживает из-под кровати боксеры, рассматривает, держа их в вытянутой руке, потом подносит чуть ближе к лицу и нерешительно нюхает.

– Да чистые они, – уверяю я. – Случайно пнул под кровать.

Он снова бросает на меня сердитый взгляд, отворачивается и одевается.

– Спасибо, – говорю я. – А то странно смотреть, как я тут

расхаживаю голым.

– Ага, – соглашается он. – Наверное.

Он снова садится на кровать и запускает обе пятерни в волосы, слипшиеся в одну массу, черную и блестящую, как гуталин. По крайней мере, ему удалось разодрать их на отдельные пряди. Хотя, чтобы шевелюра выглядела нормально, нужно еще раза два пройтись жесткой щеткой.

– Ну, – говорит он, – и как теперь быть?

Я смотрю на него. Он оставляет волосы в покое и отвечает таким же прямым взглядом.

– Что? – спрашивает он.

– Ну… ты же понимаешь, что вылез из бака по ошибке? Я ведь не умер. Если командование обнаружит, что мы размножились…

Его взгляд становится жестким и злым.

– Поясни, что ты имеешь в виду, Седьмой.

– Да брось! Мы оба знаем, чтó я имею в виду. Одному из нас придется исчезнуть.

Если в долгой истории человечества и можно отыскать аналогию существованию Диаспоры и созданию Альянса, то это, наверное, освоение Микронезии. Тихий океан на Земле усеян крошечными островами, отстоящими друг от друга на сотни, а то и тысячи морских миль, и люди, которые их заселяли, добирались туда на веслах, на двенадцатиметровых каноэ с выносными балансирами. Когда новички высажива-

лись на очередной остров, им нужно было продержаться на тех запасах, что вмещались в лодку, пока не вырастет новый урожай.

Мы, в принципе, находимся в такой же ситуации, только корабли у нас чуть больше, а путешествия длятся намного дольше. К тому же у нас нет уверенности, что семена, взятые с собой, прорастут на новой почве. Вследствие этого среди взошедших на ковчег существует безукоризненно соблюдаемое правило: толстякам в колониях не место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.